

Г. Брутян

Решение семантиками основного вопроса философии

Семантика происходит от греческого слова "σημαντικός", которое дословно означает: имеющее значение, смысл, обозначающий. В сочинении Аристотеля „Об истолковании“ этот термин употребляется довольно часто. Так, определяя имя через слово „семантика“, Аристотель пишет: „Имя есть слово с условным значением без отношения ко времени, отдельная часть которого (имени) ничего не обозначает“. В данном суждении греческое слово „σημαντικός“ переведено на русский язык как „значение“. В издании Гарвардского университета это слово переведено как „meaning“, что соответствует русскому „значение“.

Согласно исследованиям самих семантиков (Аллен Рид, Стефан Уллман и др.), впервые термин „семантическая философия“ в английском языке появился в 1635 г. в работах Джона Спенсера. У Спенсера „семантическая философия“ употребляется в качестве названия учения, которое на основе знаков может предсказывать будущее¹.

Однако гражданское право термин „семантика“ получил благодаря трудам французского лингвиста Микэла Бреала, который этим термином пользовался с 1883 года, в частности в книге „Очерки семантики“, вышедшей в Париже в 1897 году² и переизданной на английском языке в 1900 году в Лондоне. У Бреала семантика употребляется как учение об историческом изменении смыслового значения слов.

В дальнейшем термин „семантика“ находит широкое применение в работах философов-неопозитивистов, а также лингвистов структуралистического направления.

Философы-семантики не составляют одну нерасчлененную группу. Необходимо отметить две основные группировки в семантической философии — „академических семантиков“ и сторонников „общей семантики“.

С точки зрения представителя „академической семантики“ Альфреда Тарского, семантика это дисциплина, которая интерпретирует отношения между выражениями языка и объектами, относящимися к этим выражениям. Тарский, как и другие представители академической семантики, семантику ограничивает теоретико-познавательными

¹ С. I. John Speiser, A Discourse Concerning Prophecies, 1665, Second Edition.

² Michel J. A. Bréal, Essai de sémantique; science de significations, Paris, 1897.

вопросами, предупреждая против всякого ее социологизирования, что характерно для сторонников общей семантики. «...Семантика,— пишет Тарский,— это здравомыслящая и скромная дисциплина, которая не претендует на то, чтобы быть универсальным патентованным средством ото всех недугов и болезней человечества, существующих или воображаемых. В семантике вы не найдете никакого средства от гниения зубов или мании величия или классовых противоречий»¹. Аналогичное понимание семантики мы находим у Карнапа, чья семантическая концепция формировалась под влиянием работ Тарского и личных бесед с ним. По мнению Рудольфа Карнапа, семантика — наука, которая изучает значения и интерпретации обозначения. Под теорией обозначения Карнап понимает взаимоотношения между выражениями и их значением. Но семантика, согласно взглядам Карнапа, не ограничивается теорией обозначения. Составными частями семантики Карнап считает также теорию истины и теорию логического вывода.

В то же время Карнап отмечает некоторые расхождения между его концепцией семантики и концепцией Тарского. Эти расхождения сводятся к следующему. Карнап считает, что существует различие между семантикой и синтаксисом, т. е. между семантическими системами, как интерпретированными языковыми системами, и чисто формальными, неинтерпретированными исчислениями. С точки зрения Карнапа, это различие подлежит подчеркивать, между тем как Тарский считает, что между семантикой и синтаксисом нет резкого различия. Вторым пунктом расхождения между семантической концепцией Тарского и Карнапа относится к проблеме истины. Карнап усматривает, в рамках семантики, различие между фактической истиной и логической истиной. С его точки зрения, фактическая истина зависит от случайности фактов, между тем как логическая истина не зависит от фактов; она зависит лишь от смысла, определенного семантическими правилами. В то время как Карнап это различие считает важным и необходимым для логического анализа науки, Тарский сомневается в объективном существовании такого различия.

Семантику Карнап рассматривает как одну из составных частей более общей науки, называемой семиотикой. Семиотику он определяет как теорию знаков и языков. Семиотика состоит из трех частей: из прагматики, семантики и синтаксиса. Прагматика исследует язык, концентрируя свое внимание на *говорящем*, на том, как он пользуется языком, и абстрагируется от выражений и от их обозначаемых. Семантика изучает язык со стороны выражений у их обозначаемых, абстрагируясь от пользующегося языком. Синтаксис абстрагируется также и от обозначаемых и исследует одни лишь отношения между выражениями. «Семантика, — пишет Карнап, — содержит теорию того,

¹ Alfred Tarski, The Semantic Conception of Truth. „Semantics and the Philosophy of Language“, ed. by L. Linsky, Urbana, 1952, p. 17.

что обычно называется значением выражений и, следовательно, содержит исследование, приводящее к составлению словаря, переводящего предметный язык на метаязык¹.

В компетенцию семантики Карнап относит также исследование истины и логического следствия, ибо, по его мнению, истина и логическое следствие суть понятия, основанные на отношении обозначения.

Примерно таково же понимание Ч. Моррисом семиотики и ее отношения, с одной стороны, к семантике, с другой стороны, к прагматике и синтаксису. С его точки зрения, „семиотика -- это наука о знаках, независимо от того, являются ли эти знаки знаками животных или людей, языковыми или неязыковыми, правильными или ложными, соответствующими или несоответствующими, здоровыми или патологическими“². Семиотика, с точки зрения Морриса, является главным органом философии, в то же время она не только наука среди наук, но и органон и инструмент для всех наук³.

Семантика, согласно мнению Морриса, состоит из трех компонентов, или, как он обозначает, $M = M_E + M_P + M_F$, где M_E — отношение знака к объекту, M_P — отношение знака к человеку, который применяет знак, M_F — отношение знака к другим знакам.

В своей монографии „Semantics“ Уолпол считает, что Моррис слишком узко истолковывает понятие семантики. С точки зрения Уолпола, семантика охватывает все те проблемы, которые по мнению Морриса входят в компетенцию семиотики в целом.

Однако не все современные исследователи или сторонники семантики согласны с такой ее широкой трактовкой. Рецензируя труды некоторых видных представителей семантической философии, Хаттен отмечает: „Я считаю, что будет лишь справедливым, если ограничить применение термина „семантика“ работами, имеющими признанное отношение к семантической концепции истины, иначе термин теряет свое значение“⁴.

Если представители академической семантики ограничивают семантику изучением теоретико-познавательных проблем, то сторонники общей семантики чрезмерно расширяют границы семантической дисциплины, превращая ее в основу науки о человеке.

Именно в последнем смысле понимал семантику Альфред Кожибский, который свое учение назвал, в отличие от учения академических семантиков, общей семантикой. Поведение человека, являе-

¹ *Rudolf Carnap*, Introduction to Semantics, Cambridge, 1948, p. 11.

² *Charles Morris*, Signs, Language and Behavior, New-York, 1950, p. 223.

³ См. *Charles Morris*, Foundations of the Theory of Signs „International Encyclopedia of Unified Science“, vol. 1, № 2, the University of Chicago Presse, 1938, pp. 2, 56.

⁴ *E. H. Hatten*, Semantics, „The British Journal for the Philosophy of Science“, Edinburgh and London, 1953, November, p. 230.

ния общественной жизни Кожибский пыгался объяснить структурой языка и отношением этой структуры к человеческому поведению. Общую семантику Кожибский рассматривал как логику и противопоставлял ее логике Аристотеля. По его мнению, логика Аристотеля покоится на принципе тождества, между тем как неидентичность характерна для жизни, методом изучения которой Кожибский считал свое учение — не-аристотелевскую логику (А). Не-аристотелевская система логики, по замыслу ее создателя, является общей теорией здравого смысла.

Концепция Кожибского о семантике была горячо поддержана и распространена его сторонниками — Джонсоном, Хаяакавой, Рапопортом и другими.

В статье „Семантика“ Хаяакава проводит все, по его мнению, важные употребления этого понятия. „Семантику можно определить (1) в современной логике — как изучение законов и условий, при которых знаки и символы, включая слова, могут быть названы имеющими значение; это — семантика, и (2) изучение отношения между словами, вещами, в последнее время расширенное до изучения отношений между языком, мышлением и поведением, т. е. того, каким образом на человеческие действия оказывают влияние слова, сказанные другими или самим себе в мыслях; это — сигнифика. Первоначально это слово употреблялось для обозначения (3) в филологии, исторического изучения изменений в смысле слов; это — семасиология“¹.

Второе значение семантики Хаяакава больше импонирует. Поэтому в другой своей работе — „Language in Thought and Action“ — семантику Хаяакава определяет просто как „изучение взаимодействия людей при помощи механизма языкового общения“².

Придавая первостепенное значение языковому поведению людей в социальной и личной жизни, сторонники Кожибского семантику выдвигают как всемогущее средство преобразования общества.

Основные задачи общей семантики Чейз видит в следующем. Во-первых, помогать более точно оценить окружающую обстановку, т. е. мыслить более правильно; во-вторых, усовершенствовать общение, как при сообщении чего-либо, так и при восприятии сообщений. На основе всего этого, в-третьих, усовершенствовать умственную гигиену.

Чейз, как и его единомышленники, поднимает до небес семантику как науку, которая будто освобождает людей от тирании слов. Он заявляет, что большинство людей заключено в тюрьмы слов и может быть освобождено из них лишь после овладения семантическими идеями.

Некоторые исследователи семантики считают, что термин „семантика“ ныне употребляется в смысле семасиологии, как отрасль

¹ S. I. Hayakawa, Semantics, „ETC.: A Review of general Semantics“, vol. IX, № 4, p. 243.

² S. I. Hayakawa, Language in Thought and Action, New-York, 1919, p. V.

языкознания, семантика же как философия приобрела название „общая семантика“. Таково мнение, в частности Марио Линса: „Первоначально семантика имела целью систематическое изучение изменений в значении слов, являясь, таким образом, отраслью языкознания. Позднее, особенно после исследования Кожибского, область исследований семантики была расширена и распространена на изучение поведения людей, причем особенно подчеркивалось его отношение к символам и словам (язык).“

Это более широкое понятие было названо Кожибским *общей семантикой*, а применение выражения семантика, в узком смысле, было ограничено рамками первоначальной области¹.

Как показывает анализ литературы по семантике, существуют три основных понимания семантики: семантика как отрасль языкознания, семантика как философия логического позитивизма, или академическая семантика, и семантическое учение Кожибского и его соратников, или общая семантика. Несомненны связь и преемственность между этими различными пониманиями семантики, в особенности существенна связь между академической семантикой и общей семантикой. Общность основных принципов академической семантики и общей семантики дает достаточное основание многим исследователям семантики, среди них и из числа самих семантиков, рассматривать академическую и общую семантику как единое философское течение.

Семантики академической группы объявляют основной вопрос философии лжепроблемой и считают свою философию выше как материализма, так и идеализма. Виттгенштейн утверждает, что все традиционные проблемы философии являются бессмысленными и их возникновение обусловлено не чем иным, как отсутствием логики нашего языка.

Рудольф Карнап выдвигает два типа проблем существования: проблема существования конкретных сущностей в пределах структуры, что Карнапом называется внутренней проблемой, и проблема существования самой структуры, что называется им внешней проблемой. Внешняя проблема, по разъяснению самого Карнапа — это проблема реальности самого мира вещей. „Реалисты,—пишет Карнап,—разрешают ее утвердительно, субъективные идеалисты—отрицательно, это противоречие происходит через века...“². Несмотря на терминологическую путаницу и половин-

¹ Mario Lins, The Supports of the New General Semantics. „Proceedings of the XI International Congress of Philosophy“, vol. V, Bruxelles, 1953, p. 115. На путаницу в понимании того, что такое семантика, указывают многие зарубежные исследователи семантики. „Семантика,—пишет Ст. Улман,—должна подавать другим людям пример того, как избежать неясности, и как-то парадоксально то обстоятельство, что в последние годы сам этот термин стал в высшей степени неясным“ (St. Ulman, Semantics at the Cross-Roads. „University Quarterly“, London, May 1958, vol. 12, № 3, p. 250).

² R. Carnap, Empiricism, Semantics and Ontology. „Semantics and the Philosophy of Language“, p. 210.

чатость, Карнап правильно замечает, что водораздел между материализмом и идеализмом — это решение вопроса о существовании внешнего мира и что споры вокруг этого вопроса красной нитью проходят по всей истории философии.

Однако Карнап совершенно неправильно объясняет сущность и значение основного вопроса философии.

С точки зрения Карнапа, проблема реального существования внешнего мира не поднимается ни обыкновенным человеком, ни ученым, она интересует только философов. На самом деле, решение основного вопроса философии имеет громадное практическое значение и представляет непосредственный интерес как для обыкновенного человека, так и для ученых.

Если внешний мир, мир чувственных вещей является первичным, а мышление, сознание — вторичным, то отсюда вытекает, что корни сознания людей, причины их того или иного взгляда на действительность необходимо искать в материальной жизни общества, в объективной действительности. Как справедливо указывал Маркс, общественная жизнь людей обуславливает их общественное сознание.

Если же исходить из того, что первичным является сознание, мышление, а чувственный мир вещей — вторичным по отношению к сознанию, то неизбежно должны прийти к выводу о сотворении мира богом, о зависимости людей от божьей воли.

Первый взгляд вполне согласуется с данными науки, естествознания, второй — ничего общего не имеет с наукой и свое убежище находит лишь в религии.

Первое решение основного вопроса философии перед людьми ставит задачу революционного преобразования мира, второе — призывает к смиренному приспособлению к существующему социальному строю, к узаконению эксплуатации человека человеком.

Неслучайно, что „французский католический конгресс в Риме 1936 г. охарактеризовал как великую услугу, важную также для католической философии, тот факт, что целью Венского кружка и всего течения логического эмпиризма было „дезонтологизировать науку“¹.

Эта точка зрения академических семантиков была разделена сторонниками общей семантики. Общую семантику Ричардс представляет как нейтральное учение, которое не соприкасается с философией ни в своих исходных позициях, ни в выводах. Ни материализм, ни идеализм не являются необходимым обоснованием или результатом семантики, утверждает он. Стюарт Чейз глупыми символами называет как материализм, так и идеализм. Доктор философских наук Эрнст Хаттен, в полном согласии с другими семантиками, утверждает, что проблема взаимоотношения тела и духа, как и всякая философская проблема, является псевдопроблемой.

¹ Philipp Frank, *Between Physics and Philosophy*, London, 1941, p. 195.

Философы группы общей семантики в отношении основного вопроса философии проявляют верность Кожибскому, с точки зрения которого семантика не является философией в обычном смысле этого слова.

Итак, семантики, независимо от того, являются ли они исследователями академической семантики или общей семантики, отрицают то положение, что основным вопросом всей философии является вопрос об отношении мышления к бытию. Этот вопрос они считают псевдопроблемой, не заслуживающей внимания философов.

Диалектический материализм исходит из признания первичности материи и вторичности сознания. Это положение философии марксизма вооружает рабочий класс и его партию революционной программой действий, ибо оно показывает, что духовную жизнь общества, его политические взгляды и теории можно правильно понять в том случае, если их происхождение искать не в самих идеях, а в условиях материальной жизни общества, в общественном бытии. Возникновение тех или иных общественных идей, теорий, политических учреждений находится в прямой связи с условиями материальной жизни общества и прежде всего производственными отношениями людей.

В чем же видят семантики основную проблему философии, чем философия, с их точки зрения, должна заниматься? И в ответе на эти вопросы семантики разных оттенков проявляют полное единомыслие.

По утверждению Виттгенштейна, философия не должна иметь дело с природой, не природа и ее основные закономерности являются объектом изучения философии, а человеческие мысли, причем неясные, смутные и расплывчатые мысли. „Цель философии, — пишет Виттгенштейн, — логическое объяснение мыслей... философский труд состоит в основном из объяснений. Результат философии не „философские предложения“, но объяснение предложений. Философия должна мысли, которые иначе являются как бы смутными и расплывчатыми, сделать ясными и резко разграниченными“¹.

Каким же путем философия объясняет смутные и неясные предложения, добытые конкретными науками? Оказывается, с точки зрения семантиков сущность философии — это логика, а логика занимается не чем иным, как грамматическим анализом или же анализом форм и правил языка. В своих работах Карнап пытается обосновать следующие положения: а) философия есть логика науки, б) логика науки есть синтаксис языка науки.

Бертран Рассел утверждает, что основным в философии является логика, и философские школы должны определяться не по своей метафизике, т. е. по тому, как они решают основной вопрос философии, а согласно своей логике. Но Рассел не только упраздняет основные проблемы философии и дезонтологизирует логику, но и по

¹ Ludwig Wittgenstein, *Tractatus Logico-Philosophicus*, London, 1949, p. 77.

следнюю сводит к анализу языка науки, как это делают его единомышленники — Карнап, Айер и другие.

Чарлз Моррис на конкретном примере хочет показать, как философское исследование можно свести к лингвистическому анализу. Для того, чтобы выяснить, что такое философия, необходимо взять несколько работ, которые признаны всеми как философские, предлагает Моррис, и изучить их характерные особенности с точки зрения лингвистики.

Главное в познании семантики Джонсон усматривает в отношении языка к действительности.

Вместо вопроса о том, какова природа окружающей нас действительности, состоит ли мир из материи или из ощущений, утверждают семантики, необходимо ставить вопрос, какой язык феноменальный или физический более подходит в качестве единой науки. Выбор же языка науки, по мнению семантиков, становится вопросом удобства, так же, как выбор системы символов для введения единого символизма в логику.

Сводя сущность философии в конечном итоге к лингвистическому анализу, семантики приходят к выводу, что философские системы и взгляды обусловлены спецификой того языка, на котором создана та или иная философия. „Влияние языка, — пишет Рассел, — на философию было, по моему мнению, глубоким, но почти неосознанным и непризнанным. Если мы не хотим, чтобы это влияние привело нас к неверным заключениям, необходимо осознать и учесть его и задать себе совершенно отчетливо вопрос, в какой мере оно законно. Логика субъекта-предиката вместе с философией субстанции-атрибута могут быть взяты для примера. Весьма сомнительно, чтобы то и другое было бы когда-либо изобретено народом, говорящим на неарийском языке.

Совершенно очевидно, что понятия эти не возникли в Китае, если не считать буддизма, принесшего с собой индийскую философию¹.

Рассел далее утверждает, что синтаксис и словесные выражения оказали на философию различное влияние.

У семантиков стало девизом выражение, что если Аристотель создал бы свою логику на китайском языке, он создал бы совершенно другую логику.

Теоретическая несостоятельность таких рассуждений очевидна.

Известно, что грамматический строй языка, который вместе со словарным фондом создает облик данного языка, вырабатывается в течение ряда эпох и не подвергается резким изменениям. Грамматический строй языка не вытекает непосредственно из базиса; язык не меняется со сменой одного экономического строя другим. Граммати-

¹ *Bertrand Russell, Logical Atomism, Contemporary British Philosophy, London, 1927, pp. 367—368.*

ческий строй языка остается в основном прежним на протяжении ряда общественных формаций. Между тем философские взгляды и философские учреждения, как составные части надстройки, коренным образом изменяются в соответствии с изменением базиса¹.

Сводя философию к анализу языка, семантики объявляют философию внеклассовой, а собственное учение—семантику—выше материализма и идеализма.

Но нейтралитет, беспартийность в философии является выдумкой идеалистов, ширмой, за которой прячут они свои идеалистические установки.

Семантики не проявляют последовательности в проповеди беспартийности философии. Некоторые из них, в противоречии с высказываниями других семантиков, а также с собственными высказываниями, прямо провозглашают свою приверженность к субъективному идеализму.

В предисловии к своему трактату „*Language, Truth and Logic*“ Айер пишет: „Взгляды, изложенные в этом трактате, вытекают из доктрин Бертрانا Рассела и Виттгенштейна, которые в свою очередь являются логическим результатом эмпиризма Беркли и Давида Юма“².

Связь семантической философии с идеализмом Беркли—Юма—Маха становится совершенно очевидной, как только мы сопоставляем исходные положения обеих этих доктрин.

В самом деле, епископ Беркли в сочинении „Трактат об основах человеческого познания“, вышедшем в 1710 году, писал, что вещи и явления являются комбинациями ощущений. Человек обладает субъективными ощущениями — ощущениями цвета, вкуса, запаха и т. д., мысленное соединение тех или иных ощущений составляет тот или иной конкретный предмет. „Например, — пишет Беркли, — наблюдают соединенными вместе (*to go together*) определенный цвет, вкус, запах, форму, константацию, — признают это за отдельную вещь и обозначают словом *яблоко*; другие собрания идей (*collection of ideas*) составляют камень, дерево, книгу и тому подобные чувствительные вещи...“³.

Давид Юм повторяет это берклианское положение в „Трактате о человеческой природе“. Согласно мнению Юма, красная роза—это сложное восприятие, которое можно разложить на простые восприятия красного цвета, запаха розы и т. д. Единственные объекты познания для Юма—это наши восприятия.

Берклианский и юмовский идеализм полностью был заимствован махистами.

¹ „Не поступили бы лингвистические философы благоразумно, изучив больше чем один тип языка до попытки выводить философию из лингвистики“, — со сдержанной иронией замечает Дубс (из Оксфордского университета). (*Homer H. Dubbs, Language and Philosophy, „The Philosophical Review“, New-York, 1958, July, p. 395*).

² *Alfred Jules Ayer, Language, Truth and Logic, New-York, 1946, p. 31.*

³ Цит. по В. И. Ленину, Сочинения, т. 14, стр. 12.

Излагая основные посылки своей теории познания, Мах и Авенариус недвусмысленно писали, что для них вещь есть мысленный символ для комплекса ощущений; вещи или тела — суть комплексы ощущений.

Следуя линии Беркли — Юма — Маха, семантики считают, что предметы окружающей нас действительности состоят из совокупности ощущений и кроме ощущений нет никакой иной действительности. Тот простой факт, — пишет Айер, — что кто-либо имеет определенные ощущения, дает ему право верить в существование определенных материальных вещей: ибо, независимо от того, отдает он себе в этом отчет, или нет, сказать, что вещь существует, это все равно, что сказать, что такие-то ощущения можно получить. Делом философии является дать правильное определение материальных вещей с точки зрения ощущений¹.

Но спрашивается, как же быть с таким явлением, как, скажем, стоимость товаров, которая не содержит в себе ни одного атома чувственной осязаемости и, следовательно, нельзя получить ощущения от него? С точки зрения семантической философии, исходящей из установок субъективного идеализма, ответ прост, хотя и не научен. Не существует таких явлений, как стоимость.

Чтобы не было сомнений относительно прямого родства семантики с берклианством, семантик Джонсон приводит пример „розы“. совершенно аналогичный с примером „яблока“ у Беркли. При объяснении ребенку, что такое роза, пишет Джонсон, необходимо ему разъяснить, что роза это слово, которое объединяет различные обонятельные, зрительные, осязательные ощущения.

Всякая материалистическая трактовка ощущения и его источника, предмета и его чувственного образа семантиками считается „пережитком донаучных образцов мышления“ и прогивопоставляют ей такое „научное мышление“, которое полностью зиждится на исходных позициях субъективного идеализма. Действительность, утверждает Хаяакава, создается нашей нервной системой, вне зависимости от которой нет ни предмета, ни его свойства.

В специальной статье, посвященной семантическому пониманию перцепции, доктор Килпатрик утверждает, что „мир, как мы воспринимаем его, представляет собой, большей частью, продукт нашего прошлого поведения и побуждения“². Следовательно, без нашего восприятия, без нашего прошлого поведения и побуждения, без нас, без субъекта, человека, не существует мира, окружающей природы. Вот вывод, который неизбежно вытекает из рассуждений семантиков о природе восприятия. Точнее, это даже не вывод, а исходное положение их теории.

¹ A. Ayer, *Language, Truth and Logic*, pp. 50—51.

² F. P. Kilpatrick, *Perception Theory of General Semantics*, „ETC.“, vol. XII № 4, 1955, p. 257.

Семантики отождествляют реальность, действительность с ощущениями, не признают самостоятельного, т. е. независимого от ощущения, существования реальности. „Несомненно, — пишет Уолпол, — *реальность* сама по себе есть огромная фикция... Прочные удобные предметы, которые мы видим вокруг себя, и простые, постоянно происходящие ощущения, которые мы чувствуем, — это и есть реальность, с которой следует связывать все остальное“¹.

Здесь Уолпол дословно повторяет идеалистическую трактовку ощущений, данную Беркли и Юмом в изложении махистов. Известно, как остро высмеивал В. И. Ленин махиста Базарова за его утверждение: „В тех границах, в каких мы на практике имеем дело с вещами, *представления о вещи и об ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью*“. В. И. Ленин по этому поводу замечает: „Сказать: „чувственное представление *и есть* существующая вне нас действительность“ — значит *вернуться к юмизму или даже берклеанству*, прятавшемуся в тумане „координации“. Это — идеалистическая ложь или увертка, агностика товарищ Базаров, ибо чувственное представление *не есть* существующая вне нас действительность, а только *образ* этой действительности“².

Считая тела комплексом ощущений, комбинацией ощущений или же соединением ощущений, как Беркли и Юм, так и махисты и семантики неизбежно приходят к солипсизму.

В полном согласии с естествознанием В. И. Ленин отмечает, что ощущение есть непосредственная связь с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания. Это совершенно очевидно и подтверждается миллиардным повторением человеческой практики.

*

Не всегда семантики ясно раскрывают свою философскую позицию. Иногда декларативно отказываясь от принадлежности к тому или иному философскому лагерю, они приходят к субъективному идеализму зигзагами, причем часто пользуясь приемами махистов и других своих предшественников. Известно, например, что один из основоположников эмпириокритицизма — Авенариус выдвинул идею о принципиальной координации, согласно которой субъект и среда находятся в неразрывной связи, причем я назывался центральным членом координации, а среда противочленом. С точки зрения Авенариуса, среда не существует без я, а я — без среды. Примечательно, что свой взгляд Авенариус считал вполне созвучным с так называемым наивным реализмом, т. е. с обычным нефилософским, наивным взглядом всех людей на существование внешнего мира и самих себя.

¹ *Hugh R. Walpole, Semantics, the Nature of Words and their Meanings, New York, 1941, p. 168.*

² *В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 101*

По существу же, как показал В. И. Ленин, новейшая защита „наивного реализма“ новейшим позитивизмом есть перефразировка субъективного идеализма Фихте. Ведь, в самом деле, если *я* и *среда* не могут существовать друг без друга, и тем более, если в принципиальной координации *я* и *среды* главным членом является *я*, то совершенно ясно, что все зависит от субъекта, от его сознания, от его ощущения. Это есть исходная предпосылка всякого субъективного идеализма, который противоречит обычным взглядам людей и данным естествознания о существовании чувственного мира независимо от воли и сознания людей, о существовании земли до появления человека и человечества, живых существ вообще. И попытки Авенариуса устранить противоречия между его учением и естествознанием с помощью понятия „потенциального“ центрального члена в координации показали лишь мистический характер эмпириокритицизма.

Как самоновейшие позитивисты-семантики повторяют аргументы своих предшественников в пользу субъективного идеализма, хорошо иллюстрирует статья Килпатрика „Perception Theory and General Semantics“, где он утверждает, что организм и среда или окружающая обстановка (*environment*) находятся во взаимной связи, причем связь эта такова, что без окружающей среды нет организма и без организма нет окружающей среды. Причем и на этот раз идеалисты нашли новый „способ выражения“. Фактически пересказывая учение Авенариуса о принципиальной координации, Килпатрик пользуется не термином „принципиальная координация“, а понятием „сделка“ („*transactional*“, „сделочное“), взятым у Дьюи и Бентли (см. John Dewey and Arthur F. Bentley, *Knowing and the Known*, Bostons, Beacon Press, 1949). Видимо, торгашеская манера высказываний у Дьюи больше соответствует духу философии некоторых семантиков, чем схоластический характер терминологии Авенариуса. Тем не менее, и это ещё раз необходимо подчеркнуть, манера изложения того или иного философа не может затемнить сущность его учения.

В самом деле, согласно идее „сделка“ процесс восприятия мира можно сравнивать с куплей-продажей. Покупатель и продавец находятся в функциональной зависимости. „...Невозможно определить функциональную природу покупателя *как* покупателя, независимо от его сделки с продавцом, — пишет Килпатрик, — и аналогично невозможно определить продавца *как* продавца независимо от его отношения к покупателю. Подобным же образом, мы чувствуем, что процесс восприятия лучше всего может быть мыслим как сделка“¹. Приводя сравнение из мира торговли, Килпатрик заключает, как нет продавца без покупателя и покупателя без продавца, так и нет восприятия без того, что воспринимается, и объект восприятия без восприятия. Чем же это отличается от „принципиальной координации“ Авенариуса или о связи сознания и вещи, субъективно-объективного и объективно-субъективного Иогана Готлиба Фихте?

¹ „ЕТС.“, vol. XII, № 4, 1955, p. 258.

* * *

Одним из источников идеалистического миропонимания семантиков является учение Локка о вторичных качествах. Известно, что свойства цвета, света, запаха, вкуса Локк считал не объективными признаками предметов, а субъективными качествами. „В самих телах, — пишет Локк, — нет ничего подобного этим нашим идеям. В телах есть только способность производить в нас эти ощущения“¹. Учение о вторичных качествах было серьезным отступлением Локка от материализма в теории познания и большой уступкой субъективному идеализму. Не случайно, что все субъективные идеалисты, начиная с Беркли, всячески пользуются этим учением и, еще больше углубляя ошибки Локка субъективными считают не только вторичные качества, но и первичные. Это, в частности, относится к представителям семантической философии. „...События, которые находятся вне нашего сознания, — пишет Кожибский, — не являются холодным или теплым, зеленым, или красным, сладким или горьким. Эти характеристики сфабрикованы нашей нервной системой внутри нашей кожи, как ответы только на разные энергические проявления физико-химических процессов... Когда мы употребляем такие термины, мы имеем дело с характеристиками, которые отсутствуют во внешнем мире, и строим антропоморфический и иллюзионный мир, не похожий по своей структуре на мир вокруг нас“².

Как конкретизацию этой мысли Кожибского. Джонсон пишет, что когда мы утверждаем: „нечто синее“, то это может ввести нас в заблуждение, ибо данный цвет является не свойством предмета, а показателем того, как мы наблюдаем этот предмет. Поэтому он предлагает суждение „данный предмет синий“ заменить выражением в роде: „данный предмет мне кажется синим“ или „мне представляется данный предмет синим“ и т. д.

Этой же точки зрения придерживается Хаякава. В связи с разбираемым вопросом он пишет: „Например, мы говорим о желтизне карандаша, как если бы желтизна была бы „свойством“ этого карандаша, а не продуктом, как мы уже увидели, *взаимодействия* чего-то, находящегося вне нашей кожи с нашей нервной системой... Собственно говоря, нам не следовало бы говорить „Карандаш желтый“ — это утверждение помещает желтизну в карандаш; вместо этого нам следовало бы сказать: „то, что производит на меня такое впечатление, которое приводит меня к тому, чтобы сказать „карандаш“, производит на меня также такое впечатление, которое приводит меня к тому, чтобы сказать „желтый““³.

Очевидно, что семантики отрывают свойства предмета от самого предмета, свойства предмета считают зависимыми от субъекта. Они

¹ Джон Локк, Опыт о человеческом разуме, М., 1898, стр. 112.

² Alfred Korzybski, Science and Sanity, Lakeville, Connecticut, 1948, p. 384.

³ S. I. Hayakawa, Language In Thought and Action, New-York, 1949, p. 187.

не понимают или не хотят понять, что и по происхождению и по действию цвет, как и любое свойство предмета, является таким же объективным, как сам предмет. В этой связи нельзя не вспомнить замечание Маркса о том, что „при зрительных восприятиях свет действительно отбрасывается одной вещью, внешним предметом, на другую вещь, глаз. Это физическое отношение между физическими вещами“¹

* * *

При определении отношения семантиков к основному вопросу философии весьма важно выяснение того, как понимают семантики „опыт“. Известно, что понятием „опыт“ оперируют как материалисты, так и идеалисты, вкладывая, конечно, в него совершенно различное содержание. В. И. Ленин указывает, что „опыт“ прикрывает и материалистическую и идеалистическую линию в философии, освещая их спутывание.

Каково семантическое понимание опыта? С точки зрения семантики, опыт не выходит из рамок чисто психического. Да и это понятно, ибо из этих рамок по утверждению семантиков не выходит вообще вся действительность. „...„Объектом“ нашего опыта, — пишет Хаякава, — есть не „вещь в себе“, а взаимодействие нашей нервной системы (со всем ее несовершенством) с чем-то вне ее“². Семантическое понимание опыта — это типично субъективистское понимание, исходящее из отрицания всей действительности, помимо ощущения. Между тем как опыт, как это хорошо известно всем, не находящимся под влиянием идеалистической философии, предполагает, прежде всего, объективное существование реального мира и, во-вторых, наличие субъекта, который выражает свое действительное отношение к этому миру. Опыт с точки зрения его диалектико-материалистического понимания, взаимоотношение субъекта с объектом, человека с внешним миром, взаимоотношение, в процессе которого человек активно действует на внешний мир, преобразует его в своих целях.

Марксизм исходит из того, что практика является основой всякого познания и вместе с тем критерием истины. Но в марксистском понимании практика ни в коем случае не ограничивается опытом в позитивистском смысле этого слова, т. е. не ограничивается чувственными данными. Решающее и главное в практике — это материально-производственная деятельность людей. В практику входит также участие людей в политической, культурной жизни, их деятельность во всех сферах общественной жизни. Составными элементами практики являются также опыт, в смысле эксперимента, а также наблюдение.

В. И. Ленин указывал, что вопрос о причинности имеет особенно важное значение для определения философской линии того или другого новейшего „изма“. С этой точки зрения представляет несом-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1950, стр. 78.

² S. I. Hayakawa, Language in Thought and Action, p. 167.

ценный интерес как трактуют семантики категорию причинности. У Виттгенштейна мы находим прямой ответ на этого вопрос: „Вера в причинную связь является суеверием“¹. Отрицание причинной связи в явлениях окружающего нас мира у Виттгенштейна не вызывает никакого сомнения и в этом смысле он продолжает линию субъективизма, субъективного идеализма в рассматриваемом вопросе. Последователи Кожибского категорию причинности прямо связывают с языком. В статье „Причинность и языковая негибкость“ Р. Парсел утверждает, что „человек идет по пути ошибок потому, что семантическая передача такого „релятивного абсолюта“, как причинность, осуществляется посредством негибкой структуры лингвистической передачи“². Как Юм и Кант, так и их последователи Мах, Авенариус и другие, отрицали причинность в явлениях внешнего мира. Однако они признавали причинную связь в мышлении, в формах познания и предполагали, что мышление приписывает причинность явлениям физического мира. Такой взгляд характерен для всех субъективистов и, в частности, позитивистов. Поэтому махист Богданов с полным основанием писал, что современный позитивизм считает закон причинности только способом познавательного связывать явления в непрерывный ряд“.

Субъективизм в этом взгляде в том, что причинность вводится из разума и, следовательно, природа делается частью разума, отрицается объективное существование самой природы.

Причинная связь лежит в основе закономерности. Тот, кто отрицает причинную связь, неизбежно приходит к отрицанию закономерности в явлениях объективной действительности. Именно так и поступает Виттгенштейн. „События будущего, — пишет он, — *не могут* выводиться из событий настоящего... Свобода воли состоит в том факте, что будущие действия нельзя узнать в настоящее время. Мы могли бы знать их лишь в том случае, если бы причинность была внутренней необходимостью подобной необходимости логической дедукции“³.

Отрицание объективной закономерности в природе всегда ведет к фидеизму, к вере в сверхестественные силы. Именно так ставили вопрос классики материалистической философии, в частности крупнейший представитель материализма домарковского периода Л. Фейербах.

* *

В защиту идеализма семантики выдвинули несколько принципов, в числе которых и принципы дефиса, кавычек и цифровых указаний.

В чем сущность принципа дефиса (hyphens)? Семантики считают, что язык, которым мы пользуемся, обладает т. н. аристотелевской

¹ L. Wittgenstein, Tractatus Logico-Philosophicus, p. 109.

² R. Parsell, Causality and Language Rigidity, „EFC“, 1958, vol. XV, № 3, p. 175.

³ L. Wittgenstein, Tractatus Logico-Philosophicus, p. 109.

структурой и разъединяет то, что в действительности соединено. Так, например, по объяснению семантиков мы употребляем понятия „материя“ и „сознание“, „душа и тело“, „эмоция“ и „интеллект“, „пространство“ и „время“ и т. д., между тем как эти явления неразрывно связаны, не существуют друг без друга и, поэтому, они должны быть названы через дефис: материя-сознание, тело-душа, эмоция-интеллект, пространство-время и т. д. Отсюда семантики с неизбежностью делают вывод, что как нет пространства без времени и наоборот, так и нет материи без сознания или же тело без души. Иными словами, все тот же субъективный идеализм, все та же принципиальная координация между я и не-я лишь с новым названием.

Гносеологические корни идеализма принципа дефиса кроются в неправильном понимании некоторых успехов современной науки, в частности теории относительности, от имени которой, кстати сказать, иногда любят выступать семантики.

Известно, что создатели теории относительности, на основе обобщения экспериментальных фактов в области исследования электромагнитных процессов пришли к выводу, что представления классической физики о пространстве и времени отражают лишь свойства и отношения твердых тел. Если же отвлекаться от конкретных свойств предметов объективного мира, то можно прийти к закону об универсальной связи пространства и времени. Пространство-время имеют абсолютный характер и выражают единую форму существования материи. Разделение же этой единой формы—пространство и время, что графовалось в классической физике, имеет значение лишь в отношении той или иной инерциональной системы отчета.

С точки зрения теории относительности „и временная координата, и пространственная координата будут различными в двух различных системах координат, и изменение временной координаты будет весьма заметным, если относительная скорость систем приближается к скорости света. Двухмерный континуум не может быть разбит на два одномерных континуума, как в классической физике. Мы не можем рассматривать пространство и время раздельно при определении пространственно-временных координат в другой системе координат“¹.

Понятие „время-пространство“ является истинным понятием, ибо отражает реально существующую закономерность, универсальную и единую форму существования движущейся материи. По аналогии с этим понятием предлагаемые семантиками понятия—„тело-дух“, „материя-сознание“ показывают лишь как с помощью механической аналогии семантики на основе извращения достижений естествознания пытаются обосновать новейшую форму идеализма.

Единство пространства и времени—пространство-время обуславливает бытие движущейся материи. „Материя-сознание“, как и „тело-душа“—идеалистическая выдумка семантиков, ибо не единство мате-

¹ А. Эйнштейн и Л. Инфельд, *Эволюция физики*, М., 1956, стр. 204

рии и сознания обуславливает существование чего-то третьего, а существование самой материи обуславливает возникновение сознания.

С помощью принципа кавычек (quotes) семантики пытаются обосновать идеалистический эмпиризм. Этот принцип требует общие понятия употреблять только в кавычках, так как с точки зрения семантиков каждое понятие непосредственно связано с прошлым опытом употребляющего данное понятие и имеет индивидуальный характер. «Кавычки, — пишет Чейз, — требуют от читателя замедляться, вспомнить, что для разных людей термины означают различные вещи...»¹.

Гносеологические корни этого принципа кроются в абсолютизации чувственного момента в познании, в отождествлении понятия с представлением, в недооценке познавательного значения абстрактного мышления, что характерно для плоского эмпиризма.

Принцип цифровых указателей (index numbers) призван у семантиков обосновать идеалистический номинализм их философии. Согласно этому принципу, всякое явление окружающего нас мира является уникальным, поэтому должно быть обозначено специальным цифровым указателем с целью отличить его от всех других явлений данного класса.

С помощью принципа цифровых указателей семантики воскрешают средневековый номинализм на базе субъективного идеализма. С их точки зрения, абстрактные понятия должны употребляться в кавычках (принцип кавычек), так как они буд о не имеют соответствующего референта в действительности. Семантики призывают вообще отказаться от употребления абстрактных терминов. Они заявляют, что в действительности существуют лишь отдельные предметы, причем они имеют строго индивидуальный характер. И если вспомнить, что самую действительность они ставят в зависимость от нервной системы субъекта, т. е. считают потоком ощущений, то станет совершенно ясным, что с помощью принципа цифровых индексов (Хаякава этот принцип считает самым общим и чуть ли не самым главным принципом экстенциональной ориентации), а также с помощью других принципов семантики стараются обосновать свою философию как номинализм на базе субъективного идеализма.

Как номинализм вообще, так и его современное идеалистическое выражение в форме принципа цифровых указателей по своим гносеологическим корням зиждется на непонимании диалектики отдельного и общего. Семантики не понимают, что в объективной действительности существуют не только отдельные предметы, но и виды и роды предметов, существует общее. Но отдельное и общее существуют не о.рванно друг от друга, а в тесной связи, в диалектическом единстве. Общее существует в форме единичного, всякое единичное входит своей той или иной стороной в общее. Это диалектическое

¹ St. Chas2, Power of words, New-York. 1954, p. 142.

взаимопроникновение было хорошо известно еще Гегелю, однако получило материалистическое, научное объяснение в философии марксизма.

* * *

Анализ семантической философии показывает, что она является одной из современных форм субъективного идеализма. Хотя многие из семантиков декларативно отказываются от рассмотрения основного вопроса философии, на деле они этот вопрос решают совершенно определенно в пользу линии Беркли — Юма — Маха. Семантики воскрешают средневековый номинализм, однако на базе субъективного идеализма.